ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

В.А. Сахаров*

«МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С ИНСЦЕНИРОВКОЙ». БОЛГАРСКИЙ ДОКТОР М.А. МАРКОВ О ГЕРМАНСКОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ в 1943 г.

В работе представлены показания участника международной комиссии судебно-медицинских экспертов болгарского доктора А.М. Маркова о своей командировке в район Смоленска к месту массовых захоронений в катынском лесу, где германские спецслужбы производили эксгумацию и идентификацию трупов польских офицеров, расстрелянных, как утверждалось, весной 1940 г. Цель, которая германскими властями ставилась перед этой комиссией, состояла в подтверждении обоснованности выводов германских специалистов о трехлетней давности расстрела и захоронения военнопленных, а также результатов идентификации трупов.

Марков фиксирует факт его принуждения принять участие в работе этой комиссии, сообщает о персональном составе комиссии и ее перемещении к месту работы в Смоленск, ознакомлении с местом раскопок могил, проведении исследования трупов германскими специалистами и условиями работы комиссии.

На месте раскопок могил всем руководил германский судмедэксперт Бутц. Описаны производство работ по эксгумации и идентификации, проводившихся в катынском лесу и результаты осмотра могил, ознакомление членов комиссии с рассказами группы местных жителей, представленных как свидетелей расстрелов органами НКВД СССР, посещение помещения, где проводилась работы с документами, обнаруженными при трупах, служившими доказательствами трехлетней давности захоронений, что Маркову представилось сомнительным. При втором посещении могил члены комиссии производили исследования трупов. В это время сомнения в германской версии расстрела у Маркова усилились, чему способствовала попытка доктора Орзоша подкрепить выводы немецких специалистов собственным опытом. Состояние представленных комиссии молодых деревьев с места захоронений еще более усилили эти сомнения. Анало-

* *Сахаров Валентин Александрович* — доктор исторических наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва; *e-mail:* wsaharov@mail.ru; SPIN-код автора: 3656–6970.

гичные сомнения были у чешского судмедэксперта Гайека. В результате А.М. Марков не стал подписывать подготовленный германской стороной протокол и участвовать в пропагандистских мероприятиях, призванных подтвердить германскую версию катынских захоронений.

Ключевые слова: Катынь, расстрел, могилы, Бутц, эксгумация, идентификация, пропаганда.

The testimony of a participant of the international commission of forensic medical experts, Bulgarian doctor A.M. Markov, about his business trip to the Smolensk region, to the place of mass graves in the Katyn forest, where the German special services exhumed and identified the corpses of Polish officers shot, allegedly in the spring of 1940. The purpose that the German authorities set before this commission was to confirm the validity of the conclusions of German experts about the three-year-old execution and burial of prisoners of war, as well as the results of the identification of corpses.

Markov records the fact that he was forced to take part in the work of this commission. Informs about the personal composition of the commission and its relocation to the place of work in Smolensk, familiarization with the site of excavation of graves, the examination of corpses by German specialists and the working conditions of the commission.

At the site of the excavation of the graves, the German forensic expert Butz was in charge of everything. The exhumation and identification work carried out in the Katyn forest and the results of the inspection of the graves are described, the members of the commission are familiarized with the stories of a group of local residents presented as witnesses to the executions by the NKVD of the USSR, a visit to the premises where work was carried out with documents found with corpses that served as evidence of 3-year-old burials, which seemed doubtful to Markov. At the second visit to the graves, the members of the commission carried out studies of the corpses. At this time, doubts about the German version of the execution of Markov intensified, which was facilitated by Dr. Orzos' attempt to back up the conclusions of German experts with his own experience. The condition of the young trees presented to the commission from the burial site further reinforced these doubts. Czech forensic expert Gayek had similar doubts. As a result, A.M. Markov did not sign the protocol prepared by the German side and participate in propaganda events designed to confirm the German version of the Katyn graves.

Keywords: Katyn, execution, graves, Butts, exhumation, identification, propaganda.

Введение

Вопрос о катынских захоронениях является одной из центральных исторических проблем отечественной истории. В этом вопросе противостоят две стороны. Одна из них принимает версию о том,

что расстрелы польских военнопленных были произведены советской стороной. Эта версия опирается на германские официальные документы, а также на документы Политбюро ЦК ВКП(б), подлинность которых вызывает обоснованные сомнения, а информация которых не получают подтверждения в других, известных историкам, документах ЦК ВКП(б), НКВД СССР и его органах. Другая сторона отрицает эту версию и ее аргументы, указывая на обоснованность сомнения в подлинности указанных документов советского руководства, а также на германские документы, свидетельствующие о фальсификации производившейся идентификации трупов из катынских могил и определения времени расстрелов.

В распоряжении историков имеются и другие свидетельства о фальсификации истории расстрелов в Катыни, еще не введенные в активный научный оборот. Одним из них являются показания болгарского судмедэксперта А.М. Маркова — члена международной комиссии экспертов, приглашенной на раскопки катынских могил.

* * *

Болгарский доктор Марко Антонов Марков, доцент кафедры судебной медицины на медицинском факультете, был в апреле 1943 г. привлечен к работе в созданной германскими властями международной комиссии судмедэкспертов, призванный своим авторитетом подтвердить обоснованность выводов германских специалистов, исследовавших эксгумированные в Катынском лесу трупы, которые представлялись германской стороной в качестве польских офицеров из Козельского лагеря военнопленных, расстрелянных органами НКВД СССР в апреле — мае 1940 г.

В своих показаниях доктор Марков подробно описал свое назначение в эту комиссию, отношение к вынужденной командировке, организацию работы комиссии, свои наблюдения над процессом эксгумации, дал оценки этой работы и аргументировал свои выводы. Сам он провел обследование одного трупа. Все виденное и слышанное им во время посещения захоронений и его собственные наблюдения в процессе обследования трупа, а также во время различных мероприятий, проводимых германской стороной для международной экспертной комиссии, сформировало в нем убеждение, что немецкая сторона устроила грандиозную фальсификацию.

Дополнения и детализация информации, сообщенной доктором Марковым, имеется в материалах судебного процесса над ним,

состоявшегося в г. София 19 февраля 1945 г., и ряде других его документов, посвященных этой командировке[1].

После окончания мировой войны, когда на Международном военном трибунале в Нюрнберге была спровоцирована постановка вопроса о польских военнопленных офицерах, якобы, расстрелянных в 1940 г. в катынском лесу, советская сторона письмом Главного обвинителя от СССР генерал-лейтенанта Р.А. Руденко от 8 июля 1946 г. заявила о противопоставлении германским свидетелям, своих свидетелей по этому вопросу: граждан СССР профессора судебной медицины В.И. Прозоровского и бывшего при немцах заместителем бургомистра Смоленска Б.В. Базилевского, а также гражданина Болгарии Марко Антонова Маркова [2]. 1 и 2 июля 1946 г. А.М. Марков был допрошен на заседании МВТ помощником главного обвинителя от СССР полковником Л.Н. Смирным. 2 июля 1946 г. его допрашивал доктор Штамер, а после этого Марков отвечал на вопросы Председателя Суда[3].

* * *

Публикуемый документ «Собственноручные показания доктора Марко Антонова Маркова» является одним из проявлений критического отношения специалистов судмедэкспертов к германской версии времени производства расстрелов в Катынском лесу и времени захоронения расстрелянных. Он хранится в Государственном архиве Российской федерации (ГАРФ) в фонде Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге[4].

* * *

Перевод с болгарского.

СЕКРЕТНО.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

доктора Марко АНТОНОВА МАРКОВА

Я, нижеподписавшийся, доктор Марко АНТОНОВ МАРКОВ, 44 года, болгарин, грамотный, женатый, несудимый, родился в городе Нова Загора, доцент кафедры судебной медицины на медицинском факультете.

---

[1] См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 135. Лл. 368–369, 369–386, 388–392, 401–429, 431–434; Д. 136. Лл. 179–193, 195.

[2] Там же. Д. 6. Л. 250.

[3] Там же. Оп. 1. Д. 64. Л. 89–129.

[4] Там же. Оп. 2. Д. 136. Л. 157–178.

В отношении моей посылки в качестве болгарского делегата в Катынь показываю следующее:

В дни накануне пасхи прошлого года профессор И. Москов, директор судебно-медицинского института выехал в свой родной город Севлиево для проведения праздников, как он мне сказал, оставив меня замещать его в институте. Впоследствии, т.е. после моего возвращения из Смоленска, я узнал, что на профессора Москова несколько дней подряд чрезвычайно сильно нажимали для того, чтобы получить его согласие поехать в качестве болгарского делегата в Катынь. От профессора Москова я узнал, что этот нажим лично осуществлял министр-президент Филов, заявив ему, что первоначальное приглашение превращается в приказ, а министр просвещения профессор Иоцов, личный приятель Москова, предупредил его о том, что если он не подчинится, то это будет иметь самые серьезные последствия. Профессор Москов мне сказал, что он не хотел выезжать потому, что был обижен на немцев, отказавших ему до этого в визе для одной научной поездки в Германию (Бреслау), считая его политически неудобным.

Не имея возможности другим путем избежать этой поездки, профессор Москов сбежал в Севлиево, не сказав мне ни слова по этому вопросу. Этим он, очевидно, стремился добиться того, чтобы приказ об отправке застал меня совершенно не предупрежденным и чтобы я ничего не мог сделать, чтобы избежать этой миссии (например, выехав из Софии на несколько дней или притворившись больным), и, таким образом, чтобы, отправив меня, оставили его в покое. И действительно, лишь из Севлиево он телеграммой дал знать в министерство иностранных дел, что не может выехать, и выдвинул меня для этой миссии. То, что на меня он указал, как на кандидата для этой миссии, сказано в письме за № 450 (отдел шифра в архивах) министерства иностранных дел, адресованному декану медицинского факультета, подписанному главным секретарем министерства полномочным министром Шишманов[ым], копию этого письма я представил г-ну следователю. Когда в министерстве была получена телеграмма Москова, оставался только один рабочий день до пасхи, чтобы подготовить дорожные бумаги болгарского делегата. За это короткое время, даже при желании, нельзя было привезти Москова из Севлиева и поэтому в министерстве сделали все возможное, чтобы меня не выпустить из своих рук, так как не было времени искать другого делегата и подготовить его отправку.

Предпоследний рабочий день перед пасхой я был, как обыкновенно, на работе в нашем институте (в Александровской больнице),

когда мне сообщили, что меня вызывают по телефону из министерства иностранных дел. До этого я не знал, что в Катынь будет отправлен болгарский делегат. По телефону разговаривал со мной доктор Гюров, секретарь министра-президента. Имя доктора Гюрова я слышал впервые. Он мне сказал, что по приказу министра-президента Филова я должен выехать в качестве болгарского делегата в международную комиссию судебных медиков, которая должна обследовать трупы в Катынском лесу, и поэтому я должен явиться к нему, т.е. к доктору Гюрову на следующее утро в Министерство иностранных дел. Я немедленно попытался найти способ освободиться от этой миссии, так как не желал участвовать в этом расследовании. Я не мог сказать, что я болен, так как, как сказал уже, доктор Гюров меня застал на работе, т.е. он знал, что я здоров. Поэтому моим первым возражением было, что я не могу оставить свою работу и выехать потому, что меня оставили замещать профессора Москова, директора института, который находится в Севлиево. С этой позиции меня немедленно сбил доктор Гюров, заявив мне, что как раз директор института профессор Москов телеграммой в министерство указал на меня, как на его заместителя в этой миссии, так как он сам не мог выехать. Доктор Гюров меня вызвал в министерство, чтобы показать мне телеграмму Москова.

Утром, т.е. в последний рабочий день перед Пасхой, я явился в Министерство иностранных дел к доктору Гюрову, все еще имея надежду, что смогу освободиться от этой миссии. Я снова сказал доктору Гюрову, что не желаю выехать, но он вынул из ящика стола телеграмму профессора Москова, прочел мне ее и настаивал на том, что сам мой шеф рекомендовал меня для этой миссии; что обязательно должен быть отправлен болгарский делегат; что нет времени искать другого человека, потому что наш делегат должен быть отправлен самолетом не позже понедельника утром, т.е. на второй день Пасхи и что при этом положении никоим образом я не могу быть освобожден от возложенной на меня миссии. Я все же настаивал, что не желаю выезжать и спросил, является ли это приглашением, подобно тем, какие иногда посылаются министерством иностранных дел для научных встреч и конгрессов или это является приказом. Доктор Гюров сказал мне, что это приказ министра-президента и что я обязан его выполнить. Я упорно отказывался от поездки и спросил, какие будут последствия, если я все-таки не выполню этот приказ. Тогда доктор Гюров мне ответил, что теперь война и правительство имеет возможность послать меня туда, куда оно считает нужным. Эти слова доктор Гюров высказал

таким раздраженным тоном, что я теперь себе объясняю это тем, что в министерстве были раздражены бегством Москова в Севлиево и никоим образом не хотели упустить и меня. Эти слова Гюрова меня сломили, потому что я понял, что решено заставить меня поехать всей силой власти, которой они располагали, мобилизуя меня эвентуально и отправив меня в качестве военного лица. В таком случае мое положение было бы гораздо хуже, потому что, как военному лицу, они бы приказывали мне после возвращения вести пропаганду, что я бы не выполнил и попал бы в военный трибунал. Доктор Гюров не оставил мне ни малейшей надежды, что я могу избежать этой миссии. Напротив, своими словами и тоном он дал мне понять, что мой отъезд нельзя отменить.

После этого доктор Гюров проводил меня и оставил у главного секретаря министерства иностранных дел полномочного министра Шишманова. Он также сказал мне, что по приказу министра-президента я должен участвовать в качестве болгарского делегата в международной медицинской комиссии, которая обследует обнаруженные в Катыни несколько тысяч трупов. Все еще с надеждой избавиться, я ухватился за это обстоятельство и заявил, что необходимы целые месяцы для обследования нескольких тысяч трупов, тогда как я не могу на такое длительное время оторваться от своей университетской работы. На это Шишманов мне ответил, что мы не останемся там на время обследования всех трупов, что большая часть трупов уже вырыта, что нам только покажут то, что найдено, будет составлен протокол о том, что мы увидим, который я подпишу в качестве болгарского делегата и возвращусь обратно. Шишманов утверждал, что вся моя поездка не будет длиться больше чем неделю или десять дней, как и оказалось на деле.

То обстоятельство, что от нас требовалось составить мнение о состоянии тысяч трупов без обследования их и предоставлялось лишь короткое время для того, чтобы увидеть то, что уже было «приготовлено», заставило меня еще тогда усомниться, что здесь дело идет о какой-то инсценировке. Это еще более увеличило мое нежелание ехать, и я начал просить Шишманова освободить меня, настаивая, что для такой миссии нужен человек с большим общественным авторитетом. На это Шишманов мне ответил, что он понимает мою щепетильность, как университетского преподавателя. Потому что и он выходец из профессорской семьи, но что никоим образом нельзя меня освободить от этой обязанности. Шишманов докладывал в соседней комнате министру Филову о моем присутствии, но тот меня не принял.

Таким образом, вопреки моему нежеланию ехать, после того, как я сделал все возможное, чтобы освободиться от этой миссии, меня принудили выехать представители тогдашней власти и главным образом доктор Гюров. Мое нежелание поехать было очевидно для моих близких и для моих коллег из института, говоривших мне, что я уезжаю «как больной». Это могут подтвердить мои коллеги по институту судебной медицины доктор Н. Шипковенский и доктор Р. Василева.

Посыльный из министерства иностранных дел отвел меня в германскую миссию к советнику Моорман, которому я передал изготовленный для меня в министерстве иностранных дел специальный паспорт. Моорман сказал мне, что на следующий день пошлет мне заверенный паспорт, а также и билет на самолет до Берлина, что он и сделал.

В понедельник, т.е. на второй день Пасхи я выехал в Берлин и в тот же вечер был там. На аэродроме меня встретил молодой служащий из нашей миссии и шофер немецкой машины, отвезший меня в гостиницу. Там уже находилась часть прибывших делегатов. Остальные прибыли на следующий день.

Кроме меня прибыли делегаты еще из Румынии, Хорватии, Венгрии, Словакии, Чехии, Финляндии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Испании и Италии. Немцы сказали, что выехал также представитель Швеции, но по дороге с ними случилось несчастье. Представитель Испании проф. Пига из Мадрида, пожилой старик, прибыл истощенным длительной дорогой, и на другой день нам сказали, что он заболел и не может ехать в Смоленск.

Вторник мы провели в Берлине. В этот день я был в нашей миссии и просил сообщить в Софию, что я прибыл. Полномочный министр Загоров был в то время в Софии и меня принял секретарь Смедовский.

Утром на следующий день, в среду мы вылетели с военного аэродрома в Берлине на двух пассажирских самолетах в Смоленск. В каждый самолет село около 20 человек. Нас, иностранных делегатов, было всего 13 человек. Все остальные были немцы, которые всюду ездили с нами, но с большинством из них нас не познакомили и мы не могли понять, кто они. С нами ехал директор ЦИЦ, сообщивший, что он из министерства здравоохранения, но он не был врачом. Он выполнял роль хозяина от имени министра здравоохранения доктора Конти. Мы поняли, что двое или трое из сопровождавших нас лиц являются представителями министерства иностранных дел, несколько других лиц — журналисты и фоторепортеры, а относи-

тельно остальных мы так и не поняли, кто они. Кроме ЦИЦ и лиц из министерства иностранных дел, все остальные были в военной форме, а среди нас были в военной форме только представители Финляндии и Дании, но я не понял, были ли они раньше мобилизованы или одели форму только специально для этой миссии. От всех делегатов я понял, что их отъезд произошел весьма срочно по приказу их правительств.

В пути была остановка на аэродроме в Варшаве, где мы обедали. Некоторые из делегатов пожелали посетить Варшаву, но в этом нам было отказано, ввиду отсутствия времени. К вечеру, еще засветло, мы прибыли в Смоленск. На аэродроме нас встретил главный военный врач Смоленского сектора — генерал ГОЛМ и профессор судебной медицины в Бреслау (БУТЦ) и его помощники. Бутц был военным судебным врачом Смоленского сектора. Он и его помощники работали по вскрытию Катынских могил.

Нас устроили ночевать в Смоленске, а Катынский лес находился около 20 км от Смоленска. Все делегаты квартировали в быв[шей] гостинице «Молотов», превращенной в дом для военных лиц. Обстановка была военная: нары без белья, на соломенном матраце только одно одеяло. Я случайно находился в одной комнате с профессором Гайек из Праги и с доктором Биркле из Бухареста.

Немедленно после приезда в гостиницу профессор БУТЦ нас предупредил, что мы не имеем права передвигаться по городу без сопровождения германского военного лица, а также не имеем права входить в контакт с местным населением. В противном случае нас может арестовать военная полиция и трудно будет установить, где мы задержаны, может пройти несколько дней, пока нас освободят. Это создало у всех нас тягостное ощущение того, что нас рассматривают, как пленников. И действительно, мы не могли связаться ни с кем из местных жителей, а по городу ездили только на автобусе.

На следующее утро, т.е. в первый день нашего пребывания в Смоленске, нас отвезли на автобусе в Катынский лес. Лес был недоступным для посторонних лиц, охранялся военными постами, и при входе с шоссе стояла надпись, что вход запрещен даже для немецких военных лиц, за исключением тех, кто включен в команду.

Автобус въехал в лес и высадил нас перед самыми могилами. На этом месте находилось чрезвычайно большое количество немецких военных лиц и русских пленных, а также местное население. Они именно производили работу, т.е. вытаскивали трупы из открытых могил, рыли новые могилы, большие ямы, и хоронили трупы. Нам сказали, что там работает какая-то комиссия из польского Красного

Креста, которая старалась опознать трупы. Эта миссия состояла из нескольких гражданских лиц, об одном из которых нам сказали, что он был ассистентом судебной медицины в Кракове. Это был молодой человек, имени его я не знаю. Позже мне удалось его спросить, как он считает, сколько должно быть трупов, на что он мне ответил, что должно быть их около шести тысяч (6.000). Немедленно после этого он быстро отошел от меня, и у меня осталось впечатление, что он боится продолжать разговор.

Профессор Бутц провел нас и показал нам три-четыре раскрытых больших могильных ямы, в которых трупы были сложены, как сардины. Он показал нам также просеки в окрестном лесу, засаженные молодыми деревцами. Он считал, что в этих местах также находятся могильные ямы. До нашего прибытия было вытащено больше чем 800 трупов. Часть из них была уже сложена в новые, большие ямы, еще не зарытые, а другая часть оставалась на открытом месте. Показали нам также и две отдельные свежие могилы, где были снова похоронены трупы двух вырытых генералов.

При этом первом посещении под стражей привели несколько человек местных жителей. Нам сказали, что это «свидетели». С двумя из этих людей говорил профессор Орзош на русском языке (Орзош сказал, что он изучил русский язык, будучи пленным во время первой войны). Они сказали, что видели много дней подряд прибывающие с близлежащей станции грузовики, нагруженные людьми и что затем слышали выстрелы в лесу, но вход посторонних лиц в лес был запрещен. После этого короткого разговора, который не протоколировался, «свидетели» были быстро удалены и мы их больше не видели.

После этого нас увели завтракать в деревянный дом-виллу — на берегу Днепра, где находился какой-то штаб полка.

После завтрака мы поехали на автобусе обратно в Смоленск. Неподалеку от Катынского леса автобус остановился перед деревянным домиком, расположенным около шоссе. На веранде перед этим домиком было расположено несколько витрин. Бутц нам объяснил, что здесь и бумаги, найденные в одежде вырытых трупов. Этими вещами доказывалось, что давность трупов определяется временем до прихода немцев. Эти документы мы видели в таком виде, как они были нам представлены, но, конечно, никто из нас не мог сказать ничего об их достоверности, так как это вообще не было медицинским делом.

После этого мы вернулись в Смоленск, поздно пообедали и после обеда отдыхали.

Однажды, когда мы остались с профессором Гайеком одни в своей комнате на короткое время, мы могли обменяться впечатлениями насчет того, что все это дело выглядит чрезвычайно неясным, и что германский тезис остается недоказанным, потому что только по состоянию трупов нельзя точно сказать, сколько времени тому назад наступила смерть, а «документы», на которых основывались германцы, могут быть и подложными. Я должен сказать, что документы могли быть подложены в одежду трупов задолго до нашего прибытия или, по всей вероятности, еще при самом зарытии трупов, потому что все хорошо сохранилось, трупы слеплены и не имели вида, что бы их за последнее время трогали.

В этот первый день к вечеру нас повели осмотреть военную больницу, где нам показали некоторые интересные случаи (сыпной тиф, туляремия и др.) и там нас оставили ужинать.

Ни с кем из других делегатов, кроме Гайека, я не мог обменяться впечатлениями о расследовании, так как мы ни на минуту не оставались одни.

На второй день с утра нас опять отвезли автобусом к могильным ямам. Здесь мы увидели заготовленные деревянные столы для вскрытия и инструменты. Бутц предложил делегатам сделать вскрытие, указав какой труп взять из ямы. Были взяты трупы, конечно, уже из разрытых ям. Я взял труп, находившийся в верхнем слое, слипшийся с другим. Другие делегаты тоже взяли трупы из раскрытых ям, но я не видел точно из каких мест. Я не заметил, откуда Орзош взял трупы, которые он вскрывал.

Я уже имел вышеуказанные основания сомневаться во всем деле, и поэтому был крайне сдержан при единственном вскрытии, которое должен был сделать. Я отметил, что «труп одет в форму польского лейтенанта», чем хотел сказать, что у меня нет возможности установить, действительно ли это польский лейтенант. Одежда была хорошо застегнута, прилипшая. В одежде нашлись некоторые бумаги. Насколько могу вспомнить, это было удостоверение личности и еще что-то. Некоторые из присутствующих поблизости немцев пожелали, чтобы я рассмотрел и списал бумаги. Я уже заметил, что немцы хотят доказать свой тезис подобными «документами» и поэтому нарочно избежал заняться этими бумагами, сказав, что это не врачебное дело. Бумаги взяли немцы, положили их в конверты и я продиктовал машинистке запись в своем протоколе только о том, что были найдены документы, положенные в конверте за № трупа (каждому вынутому трупу вешали номер).

При описании трупа я был по возможности более краток и воздержан, отмечая только видимое состояние органов, не давая никакого толкования. Пока я описывал органы, люди, которые скопились вокруг меня, перешли к другим столам, где шло вскрытие, и я мог закончить свой протокол, не давая никакого заключения. Машинистка убрала протокол, и немцы не заметили, что я его оставил без заключения, это они заметили гораздо позже, когда подбирали материалы для печати. Тогда они мне послали в Софию протокол в двух экземплярах с требованием дополнить его. Я, однако, вернул им протокол снова без заключения, и они были вынуждены напечатать его в своей книге без заключения. Экземпляр этого протокола остался у меня из тех двух экземпляров, которые мне прислали, и я представил копию и болгарский перевод этого протокола.

Таким образом, я создал первую трещину в той книге, которую немцы издали по случаю «Катыни». Каждый, кто внимательно просматривал эту книгу, не мог не заметить, что в ней имеется протокол вскрытия, автор которого воздержался дать заключение и не мог не понять, что при таких обстоятельствах, когда приходилось действовать при военном нажиме и надзоре, это мое воздержание имеет значение особого мнения и показывает, что я не был согласен с немецким тезисом. И я затем с радостью слышал, что в Софии говорилось о том, что я был при особом мнении, что свидетельствовало, что и в нашем обществе мотивы моего поведения в этом деле были правильно поняты.

Я пошел на это ввиду всего того, что до этого возбудило у меня сомнения в верности германского тезиса, а именно: то обстоятельство, что требовали от нас мнения по такому крупному вопросу, а устроили нам только одно «посещение», при котором мы только 2 неполных дня были на лобном месте; то обстоятельство, что нас поставили в рамки строгой полицейской изоляции в отношении местного населения; то обстоятельство, что отняли у нас всякую инициативу в работе и мы должны были якобы производить расследование, а на деле все шло по германскому плану, и под их руководством; то обстоятельство, что «свидетели» были подготовлены, «подобраны», а не мы сами нашли их среди населения; то обстоятельство, что и с этими «свидетелями» наша связь была совершенно ограничена; то обстоятельство, что добивались от нас, медиков, заключения посредством «документов», а не с помощью медицинских данных; то обстоятельство, что эти «документы» были предварительно подготовлены и выставлены в витринах, и нам было только дозволено мимоходом на них посмотреть и, боль-

ше всего то обстоятельство, что от нас требовалось заключение о тысячах трупов, а позволили нам обследовать непосредственно только несколько трупов, причем каждый из делегатов в отдельности вскрывал только один-два трупа.

Все эти обстоятельства создали у меня убеждение, что, согласно предварительно подготовленному плану и путем военно-полицейского нажима немцы пытались уверить нас в правоте своего тезиса. Это привело меня к убеждению, что здесь мы имеем дело с инсценировкой, требующей общественного подтверждения. Потому, что правое дело не нуждалось бы в таких предварительно устроенных и на скорую руку проведенных действиях, якобы выглядевших, как научное расследование.

Убеждение, что передо мной находится инсценировка — обусловило все мое поведение или, вернее, всю мою сдержанность в этом деле. Только на основании этого я упорно не желал оказывать услугу германской пропаганде, какой бы нажим ни осуществляли на меня для этого, причем в такое время, когда немцы были еще в апогее своей мощи.

Какое было мнение других делегатов, извлекли ли они также то же самое убеждение, я не знаю, судя по их подавленному настроению и той мрачной полицейской атмосфере, окружавшей нас, я считаю, что они также поняли, что путем насилия, ограничения и предварительной подготовки преследовалась цель сделать нас общественными гарантами неправого дела, если оно нуждается в таких средствах. Я верю, что для всех должно бы стало очевидным бессилие немцев представить нам неоспоримые доказательства того, что «Катынь» является русским делом.

Возвращаясь к хронологическому развитию вещей, я должен сказать, что по окончании вскрытия попытался начать разговор с молодым, 18–19-летним русским, работавшим там, и который поливал мне воды, чтобы помыться. Заговорил с ним на болгаро-русском языке и сказал ему, что я славянин, он обрадовался и сказал мне, что слышал о Болгарии. Однако немедленно к нам подошел один из военных немцев, посмотрел на него, и юноша замолчал. Я понял, что им запрещено связываться с нами и, чтобы ему не повредить, замолчал и я, такова была «свобода», в условиях которой проходило наше «расследование».

Перед отъездом обратно в Смоленск Орзош сказал, что нашел очень важное изменение, и что он нам его продемонстрирует на предвидевшейся после обеда общей конференции делегатов. Он взял с собой череп, поскольку я понял, это был череп вскрытого

им трупа. Он взял также несколько маленьких деревьев (сосен), растущих поверх еще не разрытых ям.

Я должен сказать, что за все время, пока мы находились на месте могил, а также и за все время нашей поездки, нас непрерывно фотографировали. Это было неприятно для нас всех, потому, что было очевидно, что все это делается в целях пропаганды, но никто из нас не мог этого избегнуть. Эти снимки затем использовались в пропаганде без нашего ведома. Эти снимки, однако, ничем не подкрепляли германский тезис. Они только показывали, что действительно существуют ямы с трупами, но ни в меньшей[5] мере не устанавливали происхождение этих трупов. То обстоятельство, что немцы могли использовать в своей пропаганде только эти, ничего не доказывающие снимки, лучше всего свидетельствует, что они не могли получить от нашего посещения научное подтверждение их тезиса и нужно было использовать только поверхностный эффект этих снимков, которые не импонировали мыслящему гражданину и не убеждали его.

Конференция делегатов, о которой я упомянул выше, состоялась в тот же день после обеда в здании военной лаборатории профессора Бутца. Председательствовал генерал доктор Гольм, а руководили ею профессор Бутц и профессор Орзош. Секретарем была личная секретарша профессора Бутца, но никто не видел, какой протокол этого «заседания» она составила. Присутствовали также все наши многочисленные спутники — дипломаты, журналисты и лица, о которых мы не поняли, кто они; как ирония прозвучали слова Бутца, сказавшего, что они, немцы, в сущности, не принимали участия в «заседании», а присутствовали только, как хозяева!

При проверке делегатов доктор Костедуа, представитель Франции, заявил, что он послан лично Лавелем только как наблюдатель.

При проверке чешский делегат профессор Гайек также сделал демонстрацию. Когда попытались отметить, что он профессор пражского университета, он потребовал вписать «бывшего пражского университета». Генерал ГОЛМ спросил остро[6]: «почему бывший?» «Потому, что университет закрыт», — ответил Гайек. Наступило тяжелое молчание, прерванное Голмом, который серьезно сказал секретарше: «Пишите от пражского университета». Затем в нашей комнате Гайек сказал мне, что университет был закрыт немедленно

[5] Так в тексте. Может быть, надо вместо слова «меньшей» использовать слово «коей».

[6] Так в тексте. Может быть, надо «строго».

после немецкой оккупации, студенты и персонал были разогнаны или арестованы, а лаборатории и библиотеки были переданы немецкому университету. Сам Гайек и его сыновья зарабатывали на жизнь случайной работой и жили в нищете, что, впрочем, видно было по его одежде. Он был силой направлен германскими властями в качестве «чешского делегата». Демонстрация, которую он сделал, была скромной, но там, на фронте, перед глазами германской военной полиции нельзя было сделать больше того, что сделал он и что сделал я, оставив демонстративно свой протокол без заключения.

На конференции Орзош показал наслоения кальция на внутренней стороне черепа, который он принес из могильных ям, и утверждал, что, согласно его предыдущим наблюдениям, такие наслоения образуются за время не меньшее, чем три года. Никто из делегатов ничего не сказал за или против этого его наблюдения. Ясно, что никто из них не имел личного опыта по этому вопросу. Позже в Софии я получил от Орзоша экземпляр его научной работы по этому наблюдению, написанной в Венгрии в 1940 году на основании материала, наблюдаемого и собираемого им на протяжении ряда лет. Эту брошюрку я представил дирекции милиции, когда меня задержали.

Бутц зачитал проект протокола, подготовленного им до этого вместе с Орзошем. Так как в нем говорилось о возрасте деревьев над трупными ямами, некоторые из делегатов потребовали, чтобы этот вопрос был предоставлен решению сведущего в лесном деле лица. Немцы привели одного немца, военного специалиста в лесном деле, который высказал мнение на основании количества колец стебля, что это, примерно, пятилетние деревья, которые были пересажены на третьем году.

Имели место и некоторые другие мелкие обсуждения, но мы все с облегчением увидели, что протокол не стремится установить время смерти по чисто медицинским данным, только дает описание того, что нам было показано, и как мы исследовали трупы.

Время смерти ставилось в зависимость от показанных нам бумаг и от свидетельских показаний, но в отношении их достоверности мы не высказывались, а только установили, что такие бумаги и свидетели нам были представлены. В конце нам сказали, что Бутц и Орзош подготовят окончательный протокол, и вечером к ужину он будет подписан. Мы ужинали в той больнице, где были в прошлый раз. Ужин длился долго, допоздна, с тем, чтобы дождаться протокола, однако, нам его не предложили на подпись. От некоторых делегатов (итальянский профессор Палмиери и др.) я слышал, что

немцы недовольны протоколом и велись телефонные разговоры с Берлином. Это еще раз свидетельствовало о том, что у нас не было свободы действий.

На следующее утро мы выехали из Смоленска, не подписав протокол. Некоторые из делегатов даже думали уже, что не будет никакого протокола.

Смоленск мы оставили 1 мая, это я помню потому, что пока мы ожидали автобус, перед гостиницей прошли несколько мрачных групп детей и взрослых, окруженных, как пленные, германскими военными. Нам сказали, что их ведут на стадион, где, якобы, будет праздноваться 1 Мая! Снова кое-кто из делегатов пожелал остановиться в Варшаве. Нам сказали, что «по военным соображениям» невозможно сойти в Варшаве, и мы сошли на маленьком аэродроме Вала, восточнее Варшавы. Здесь мы обедали в военной столовой, и неожиданно перед нами разложили на столе протоколы и пригласили нас подписать их. Перед этим Бутц зачитал скороговоркой протокол, но я не могу сказать — был ли он вполне одинаков с тем, что нам зачитывали в Смоленске. По алфавитному порядку государств, которые мы представляли, я должен был подписать вторым после Бельгии. После меня подписала Дания. Подписывание состоялось на скорую руку в чисто военной атмосфере и при чрезвычайно подавленном настроении, никто из делегатов не сказал ни слова. Зал был заполнен германскими военными, пришедшими посмотреть на это событие. Каждый чувствовал, что не может оказать никакого сопротивления.

Все же у меня было сознание, что протокол, который мы подписали, не содействовал ничем немецкому тезису. Напротив, он плохо подтверждал немецкий тезис и из него ясно было видно бессилие немцев доказать с помощью нас свой тезис объективными научно-медицинскими данными. Немцы хотели нас убедить с помощью документов и свидетелей. Протокол устанавливал, что они были нам показаны, но никто не мог требовать от нас — медиков установить их достоверность. Экспертиза насчет деревьев была вписана в протокол так, как ее депозировал германский эксперт. Мы также не могли составить мнение о ее достоверности, так как это не было в нашей компетенции. Я думаю, что даже в таком виде, какой она является, эта экспертиза о деревьях, безусловно, говорит не в пользу германского тезиса. Существенным в этой экспертизе было подтверждение, что деревья были пересажены на третьем году. Эксперт, однако, не установил, в каком месяце имела место эта пересадка. Следовательно, пересадка могла иметь место в лю-

бой месяц года, а может быть, в пределах большего промежутка времени, потому, что мы знаем, что биологические явления (в частности, узкое, темное кольцо на разрезе стебля), по которым эксперт установил, что имела место пересадка, не протекают с математической закономерностью, а находятся в зависимости от почвы, влаги, температуры и пр. Раз пересадка могла произойти в течение такого большого промежутка времени, за который произошел захват немцами Смоленской области, то нельзя сказать только на основе вышеуказанного темного кольца стебля — произошла ли пересадка при русских или при немцах.

В протоколе не было медицинских данных, по которым можно было установить давность трупов. Они достигли частью состояния мецерации[7], частью мумификации[8] и образования нерастворимого мыла (т.н. адипоцкра)[9]. В этом состоянии изменения трупов уже неуловимы. Давность этих трупов может состоять и два, и три года, и больше, и меньше этого. Орзош являлся единственным, кто попытался внести большую точность при определении времени смерти, основываясь на своем наблюдении о кальциевых отложениях в черепе. Я считаю, однако, что это его утверждение не решает вопроса в пользу немцев. Прежде всего, его наблюдения делались в Венгрии, а мы находились в Смоленске. Растворение и наслоение кальциевых и др. солей, наверное, находится в зависимости от климатических условий, свойств почвы, осадков, подпочвенных вод, кислотности воды и пр. Толстый слой трупов в больших Катынских могилах также, может быть, играет роль. Остается, значит, установить научными наблюдениями — образуются ли в смоленских условиях эти

---

[7] Мацерация — разъединение растительных или животных клеток в тканях. Естественная мацерация — результат растворения межклеточного вещества. В медицине и патологии — пропитывание тканей (обычно кожи) жидкостью и их набухание. — https://ru.wikipedia.org/wiki/Мацерация.

[8] Мумификация — процесс создания мумии из тела умершего человека. Естественная мумификация происходит, если тела умерших людей оказываются в условиях окружающей среды, препятствующих разложению, например, жаркий и сухой воздух или наоборот — низкая температура. https://ru.wikipedia.org/wiki/Мумификация.

[9] Жировоск. «При определенных условиях ткани трупа превращаются в гомогенную, серовато-белую, мазеподобную или крошащуюся массу, похожую на мыло или воск. Такое … трупное изменение получило название жировоска (сапонификации). Оно возникает при нахождении трупа в течение нескольких месяцев во влажной почве с незначительной насыщенностью воздуха, когда происходит разложение жира на глицерин и жирные кислоты». Состояние жировоска многие годы сохраняется…». https://diary.ru/~Grabschonheiten/p186657714_saponifikaciya-prevrawenie-tela-v-mylo.htm.

отложения, которые Орзош назвал псевдокацус, также не менее чем за три года, как это установил Орзош в Венгрии. С другой стороны, нужно было бы установить также и количественное различие в этих отложениях, т.е. различать их по толщине, потому, что, очевидно, они не могут образовываться сразу, а образуются постепенно и со временем утолщаются.

Самым важным соображением, однако, в связи с которым нельзя считать, что наблюдение ОРЗОША разрешает вопрос о давности катынских трупов, является то, что в Катыне он не произвел массовых наблюдений и исследований, а нашел свой псевдокацус только в одном, двух черепах, которые, даже если они аутентичны, не являются достаточным основанием, чтобы согласиться с тем, что то же самое будет найдено в остальной массе трупов. Другие делегаты не нашли подобное явление в трупах, которые мы вскрывали, даже Бутц и его помощники, которые до этого там работали, не сказали, что они констатировали подобное явление.

Следовательно, наблюдение Орзоша остается его мнением, нуждающимся в подтверждении путем массовых наблюдений при катынских условиях. И мнение Орзоша записано в протоколе только как его мнение, так же, как включают научные цитаты, без того, чтобы кто-нибудь из других делегатов высказался по этому вопросу.

По всем этим соображениям я считаю, что протокол не поддержал германский тезис, и даже был доволен, что его опубликовали, чтобы люди могли видеть, что чисто медицинское исследование не поддержало утверждение немцев.

Все то, что я видел и пережил до этого, подтвердило мое убеждение, что немцы не правы и напрасно пытаются нас убедить. Это определило мое дальнейшее поведение, вопреки нажиму, воздерживаться от всякой агитационной деятельности в пользу германского тезиса.

Еще в Смоленске некоторые из журналистов, которые ездили с нами, хотели услышать мое мнение, но я избежал этого. На следующий день в Берлине на приеме после обеда, устроенного министром здравоохранения, одна журналистка, которая уже интервьюировала других делегатов, обратилась ко мне и сказала мне, что хочет разговаривать также и со мной. Чтобы избежать этого, я втихомолку ушел из зала.

В Берлине мы были приглашены Цицюм выступить по радио для своих стран по Катынскому делу, некоторые из делегатов выступили, но я отказался под предлогом, что сначала я должен докладывать в нашем министерстве иностранных дел.

В Берлине мы провели только один день, и на второй день я выехал в Софию. В Софии я явился к главному секретарю Шишманову и передал ему протокол и несколько снимков ему — эти снимки нам роздали немцы. Никакого другого доклада я не делал в связи с этим делом, от меня его и не требовали.

Я считал, что этим закончил свою миссию. Однако через день, два меня вызвали по телефону из управления радио София, не сказав, кто говорит, и пригласили меня выступить с радиодокладом по Катынскому делу. Я отказался, однако, лицо, говорившее со мной, сказало мне, чтобы я подумал, и что он снова позвонит. На следующий день действительно меня снова вызвали, но я опять отказался и меня больше из управления радио не искали.

Затем мне звонило лицо, которое тоже не назвало своего имени и пожелало направить ко мне журналистов, перед которыми я должен был сделать заявление по Катынскому делу для официозов «Вечер» и «Днес». Я снова отказался и больше меня журналисты не искали.

После этого мне звонил в больницу доктор национальной пропаганды Коцов. Он мне заявил, что моим долгом является сообщить болгарскому обществу о Катынском деле по радио и в печати. Я категорически ему отказал, заявив, что считаю свою миссию законченной, что я уже передал протокол в Министерство иностранных дел и они властны сделать, что им угодно, но я не желаю больше заниматься этим делом. Коцев недовольно что-то пробурчал и, не настаивая больше, повесил трубку.

Прошло почти 10 дней после моего возвращения, и видно немецкая миссия потеряла терпение в связи с тем, что я не выступал перед общественностью. Тогда начал меня искать по телефону дома и в больнице советник миссии Моорман. Я упорно скрывался и по телефону не отвечал, но, в конце концов, Моорман послал человека, который меня нашел в больнице. У него был вид тайного немецкого полицейского, и он настоял, чтобы я позвонил Моорману. Я ему позвонил, и тот мне сказал, что я должен информировать нашу общественность по Катынскому делу через печать, радио и путем докладов. Я ему ответил, что в Берлине перед отъездом в Смоленск нам сказали, что это не делается в целях пропаганды и даже нам рекомендовали не оглашать этого. Он мне заявил, что получены новые указания из Берлина, что я должен выступить перед общественностью, как это уже сделали другие делегаты, — только я еще не сделал этого; он меня искал еще несколько раз по телефону и всегда настаивал на том же. Так как я ему заявил, что, по моему мнению, это

дело не для широкой огласки, то он потребовал, чтобы я выступил хотя бы перед нашими студентами и перед врачебными коллегиями в Софии и в провинции. Я и это отказался сделать и заявил ему грубо, что я был в Катыни не в качестве частного лица, не могу иметь прямых сношений с германской миссией и прошу оставить меня в покое, после этого он в действительности меня больше не искал, но через день-два кто-то сообщил, что я должен явиться в министерство иностранных дел. Я понял, что немцы пожаловались на меня. Явился к Шишманову. Он мне сказал, что немцы недовольны тем, что я ничего не сообщаю нашей общественности о Катынском расследовании. Он сказал мне еще, что по политическим причинам протокол опубликовать нежелательно и потребовал от меня доклад, который он собирается опубликовать. Он настаивал на том, что это якобы мой долг и что это является частью моей миссии. Я ему предоставил совершенно краткий доклад, в котором не сообщил ничего существенного и не дал никакого заключения о происхождении трупов. Я считал, что этот доклад будет напечатан от имени Министерства. Но Шишманов заявил, что нужно только написать следующее: «Доктор Марков сообщает нам». Таким образом, Министерство приписало доклад мне, которого я не представлял. Этот доклад был настолько «скудным», что германофильская «Зора» его не напечатала, а, напротив, напечатала его «Заря». Он, наверное, не удовлетворил и немцев и они, вероятно, настояли на том, чтобы напечатать весь протокол. Через несколько дней я видел в газете «Днес» напечатанным этот протокол. Не знаю, кто перевел его на болгарский язык, но у меня сложилось впечатление, что некоторые вещи из него переведены неправильно, и что его заключение усилено в категорическом тоне.

Все мое поведение во время расследования и после моего возвращения вызвало недовольство немцев, и обо мне начали говорить, что я масон и т.п. Я, наоборот, был доволен, что помешал немцам и нашим фашистам провести научно обоснованную пропаганду у нас по Катынскому делу и не помог делу, будучи убежден, что оно неправое. Моя сдержанность, вероятно, заставила немало людей, знающих меня, понять, что дело не выглядит так, как утверждают немцы. Когда через два-три месяца появилась необходимость послать снова судебного медика в качестве болгарского делегата в Винницу, то с германской стороны категорически было заявлено, что они не желают, чтобы был послан я, хотя в Винницу были отправлены Орзош, Биркле и др., которые были также в Катыни. Доктор Дрексель, руководитель национал-социалистов в Болгарии,

сказал тогда, что немцы недовольны мною и не желают, чтобы я был отправлен в Винницу. Это он заявил перед нашим профессором Кадановым, и последний подтвердил это в письме, оригинал которого я представил в национальный комитет Отечественного фронта, а копии также представил и сюда. По этому случаю имели место разговоры между полномочным министром Сарафовым, главным секретарем Министерства иностранных дел, и министром Бекерле и доктором Барге из германской миссии. Вопреки тому, что министерство иностранных дел два раза предлагало мою кандидатуру, немцы и Бекерле, лично, категорически заявили, что они не желают, чтобы я был отправлен в качестве болгарского делегата в Винницу. Это свидетельствует, что они отлично поняли мое отрицательное отношение к их тезису по Катынскому делу и тот вред, который я им причинил своим поведением. Комитет Отечественного фронта при медицинском факультете затребовал копию стенограммы этих разговоров между Сарафовым, Бекерле и Барге и представил оригинал этого письма в национальный комитет Отечественного Фронта. Копию я предоставил также и сюда.

Такова история моей насильственной отправки в Катынь. Теперь я вижу, что было бы лучше, если бы я устоял против насилия таких людей, как Гюров, которые были готовы всячески злоупотреблять властью, чтобы угодничать своим германским хозяевам. Сопротивление до конца, наверное, повлекло бы мое увольнение, суд и тюремное заключение, но зато теперь я бы не был виноват перед болгарским народом и Великой Освободительницей! Я объясняю свое тогдашнее поведение тем, что я не был подготовлен бороться против насилия нелегальными средствами. Я не был воспитан в борьбе. Мое слабое здоровье, когда я был студентом, оставило меня в стороне от борьбы свободолюбивого студенчества, а затем я провел всю свою жизнь в научных лабораториях. И когда я столкнулся с большим насилием по отношению ко мне, я мог оказать только легальное сопротивление, а оно оказалось недостаточным перед беззастенчивыми насильниками. У меня не было также преданных товарищей или организации, на которых я бы мог опереться.

Только позже, когда я увидел, что хотят меня превратить в защитника неправого дела, моя врожденная правдивость дала мне силу противостоять, и я оставил свой протокол без заключения, устояв против нажима вести пропаганду. Мои насильники не отправили меня тогда в концлагерь, наверное, только потому, что подобный поступок ярчайшим образом показал бы общественности, что я не согласен с германским тезисом.

В моем нынешнем положении повинны те, кто распространил насилие и разрушение по всей Европе, кто совершает жестокости, обвиняя других, кто поджёг свой, ненужный им уже, рейхстаг и использовал это для преследования коммунистов, и кто покрыл Европу ямами, заполненными трупами!

Но я все же надеюсь, что моя трагедия будет понята и что мне будет предоставлена возможность принять скромное участие в новой, свободной жизни болгарского народа и прошу об этом!

Вышеизложенное написано собственноручно:
подпись — доктор М. Марков.

Забыл упомянуть, что мы, персонал медицинского факультета, были мобилизованы по гражданской мобилизации. Это полностью ограничивало мою свободу действия, лишало меня возможности любого легального сопротивления, когда Гюров насильно возложил на меня задачу выехать в Катынь в качестве болгарского делегата. При этом прошу иметь в виду, что министерство иностранных дел обратилось ко мне не как к частному врачу, а возложило Катынское расследование на врачей судебно-медицинского института по служебной линии, в связи с их компетентностью. Поэтому первоначально эта задача была возложена на директора института — профессора Москова, а после его бегства и телеграфного его указания, эта задача в порядке очередности была возложена на меня. Я был, следовательно, в положении граждански мобилизованного чиновника, на которого, по приказу главы правительства и по указанию шефа учреждения, возлагалась служебная задача, и у меня не было никакой легальной возможности избежать ее.

Вышеизложенное написано собственноручно:
(подпись — доктор М. Марков).

Заключение

Уверенность болгарского судмедэксперта А.М. Маркова в том, что результаты идентификация эксгумированных из могил в Катынском лесу трупов является следствием целенаправленной фальсификации спецслужбами фашистской Германии, подтверждается выводами комиссии Н.Н. Бурденко, проводившей повторное исследование трупов и обнаружившей при них ряд материальных доказательств, указывающих на то, что расстрелы и захоронения здесь производились не три года назад, в 1940 г., а позднее.

Выводы А.М. Маркова подтверждаются также польскими профессорами судебной медицины докторами Я.С. Ольбрыхт и

С. Сенгалевич, изучавшими в 1945 г. германские материалы исследования трупов, извлеченных из катынских могил, и написавших «Судебно-медицинский отзыв» на германский «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn» («Официальный материал о катынском убийстве»)[10].

Рассказ А.М. Маркова об условиях работы международной комиссии судмедэкспертов и ее истинном предназначении подтверждается показаниями, данными в МВТ бывшим обер-ефрейтором Людвигом Шнейдер[11]. Известно также, что 26 июля 1946 г. в распоряжение Международного военного трибунала от заместителя Главного обвинителя Временного правительства Французской республики в МВТ Ш. Дюбост поступили присланные ему из Голландии показания бывшего германского военнослужащего, о том, что в катынском лесу расстрелы производили германские спецслужбы[12]. Перечень подобных документов можно продолжить…

Доктор исторических наук В.А. Сахаров
2 ноября 2021 г.

---

[10] См.: *Сахаров В.А.* «Отзыв» польских судмедэкспертов на германский «Официальный материал о Катынском убийстве» и его значение для исследования проблемы Катыни // Управление: вызовы и стратегии в XXI веке: [сборник]. Ученые труды факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Выпуск 6. М.: КДУ, 2007. С. 218–234.

[11] ГАРФ. Ф. 7445. ОП. 2. Д. 132. Л. 269–279.

[12] Там же. Д. 7. Л. 181, 182–183-а (русский перевод), 184 (подлинник письма на французском языке), 188, 189 (подлинник письма и показаний на голландском языке).